

DOI 10.22363/2312-9220-2018-23-3-293-301

УДК 821.161.1

МНОГОЛИКОСТЬ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПОЭЗИИ

Е.С. Зинурова

Российский университет дружбы народов
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 10/2

Настоящая статья представляет собой панорамный срез современной российской поэзии. По мнению автора, в настоящее время сложно говорить, о «ведущих направлениях и течениях», поскольку налицо доминирование формально-содержательных свойств частных поэтик. Из рассмотрения творчества ряда наиболее известных современных поэтов следует, что каждый автор старается придерживаться своей стилистической стратагемы. Автор считает, что российская поэзия никогда не была так многолика, как в последние два десятилетия. Говоря о существенных тенденциях в современной отечественной лирике, отмечается появление так называемой «филологической лирики», отмечается движение от феномена прозаизации, маргинализации к собственно «лирическому началу». Рассуждения и выводы публикации основываются на большом числе критических и литературоведческих публикаций последних лет.

Ключевые слова: современная русская поэзия, интертекстуальность, постмодернизм, поэтика, филологическая поэзия

Многоликость, многогранность, вероятно, самые правильные характеристики современной российской изящной словесности, учитывая, что очевидной магистральной линии развития у нее не наблюдается. Несколько десятков литературных школ и групп, созданных немногочисленными энтузиастами в конце прошлого века, распались, в основном, из-за творческих разногласий. На первый план выходят поэты-одиночки, индивидуалисты с собственной творческой концепцией. В начале XXI века, судя по критическим обзорам, в России регулярно публиковались и издавались свыше тысячи авторов. «Многообразие частных языков достигло такой широты, что дальнейшее увеличение этой горизонтали давно уже за пределами восприятия», — констатируется в редакционной статье литературно-исследовательского журнала *Prosodia* [8. С. 5]. Мнения критиков относительно других характеристик и тенденций современной поэзии разнятся и противоречат друг другу. В ситуации поэтического «перепроизводства» очевидно одно: все правы, все имеет место, все особенности поэтики равноправны и важны.

В 2010 году серьезную аналитическую работу о поэзии «нулевых» опубликовал в журнале «Новый мир» И. Кукулин. По мнению критика, современные авторы с очень различной поэтикой составляют стихи из «конфликтных, разнородных образов, мелодических фрагментов, аллюзий» [6. С. 158]. Переход от одного фрагмента к другому критик называет микротравмой. Интонационные сбои и немотивированные изменения строки, по мнению Кукулина, иллюстрируют препят-

ствия, на которые наталкивается поэтическая речь, а диссонансные рифмы отражают непредсказуемость и нелогичность движения истории. Поэт, — заключает критик, — сквозь синтаксические и другие препятствия должен «пересоздать себя», чтобы двигаться дальше [6. С. 158]. Действительно, разорванность смысловых сгустков произведения, предопределенная, в частности, интертекстуальной насыщенностью, характерная особенность современной лирики. На «теле стихотворения» появляются швы, причем, так сказать, криво зашитые аллюзией, иронией.

Костюков Л. указывает на интонационное непостоянство современной поэзии. По его наблюдениям, в начале XXI века был очевиден «кризис силлабо-тоники», а спустя 10 лет — кризис этого кризиса [5. С. 179]. Позиция Е. Степанова аналогична: свободный стих так же претерпевает кризис, а верлибры (за редким исключением) низведены до «плохой короткой прозы» [12. С. 120]. Смешение поэзии и прозы анализировал и Е. Абдуллаев. Он полагает, что очередным циклом прозаизации стали 2000-е годы: поэзия, реконструировав метрическую структуру, впитала в себя множество прозаических элементов, в толстых журналах выросла доля «смешанных» стихотворений, традиции которых восходят и к силлабо-тонике, и к верлибрам. При этом, по подсчетам литературоведа, в современной поэзии «чистого» — дисритмического и безрифменного верлибра — не больше, чем в 1990-е годы [1. С. 227].

Стихотворения, не имеющие ритмического стержня, хотя формально и написанные в столбик, можно найти в творчестве А. Сен-Сенькова, Г. Генниса, Д. Воденникова и других авторов. Часто грань между поэзией и прозой, как бы само собой, проводит сам художник слова. К примеру, С. Василенко, автор десятков рассказов, свой поэтический сборник назвала «Проза в столбик». Стихотворения М. Матковского — короткие новеллы в духе Д. Хармса — совершенно не имеют ритмической составляющей. При этом автор принципиально делит их на строки:

Они не прилетят с далекой звезды,
из главных новостей страны ты про них ничего не узнаешь,
президент никогда не обратится с внезапной речью,
ученые не соберут пресс-конференцию по случаю первого контакта.
ничего такого не произойдет, не жди...
(По перв. стр. Знамя. 2017. № 2)

Говорить о тотальной прозаизации поэзии не приходится: явление пока носит локальный характер, часто продиктовано сиюминутной модой, возвращающейся раз за разом каждые 10—20 лет. Вероятно, и сами авторы устали от обманчивой простоты верлибра, зауми псевдоавангарда и иных проявлений постмодернистской эстетики. Развивающаяся по спирали история литературы вновь проходит через этапы традиций: достучавшись до разума, до интеллектуального капитала читателя, автор начинает взывать к его сокровенным чувствам.

Погорелая Е. так же касается усталости от деструктивной поэзии, но усталости другого рода: от постчеловеческого, изношенного деконструкцией языка. Она

пишет: «...если в нулевые общий — или, во всяком случае, цеховой — интерес склонялся скорее в сторону герметичной поэзии для посвященных, то 2010-е явственно движутся в сторону поэзии с человеческим лицом» [9. С. 120]. Под этим Погорелая подразумевает стихотворное описание обычных человеческих эмоций вне мудреных исторических и эстетических контекстов. Одним из таких «человеческих» авторов она считает сибирскую поэтессу В. Кузьмину — «новое воплощение провинциальной России» [9. С. 121]. Поэтесса перенимает традиции хорошей мейнстримной поэзии известных авторов — В. Полозковой, А. Кудряшовой, хотя и старше почти на 10 лет их обеих. Для нее характерна точность ритма при вариативной длине строк, смешение книжной, просторечной и бранной лексики, формат большинства стихотворений — своего рода дневник, рассказ о себе от первого лица. Вот только два примера:

...Сильно уже за тридцать, то, что прошло — прошло. Только ночами снится —
отчим стучит в стекло: «Сука, пусти пехоту! За ногу в душу мать! Кто ты такая?
Кто ты?»

Если бы только знать...

(По перв. стр. Литература. 2014. № 10)

И еще:

«...Через месяц прощаюсь с ребятами, и домой, в наш любимый Рассвет.

Мама, Нину Орлову просватали? Ты скажи — от Сергея привет.

Посылаю вам ящик с консервами, пусть Гришуха сгущенки поест».

Ниже дата. Июнь. Двадцать первое.

А на штемпеле значится: Брест...

(«Три сына». «Литература». 2014. № 10)

Победу «лирического пробуждения» над маргинальной, обрывочной, чуть ли не пародийной лирикой авторов, которых публиковал в «нулевые» годы на интернет-ресурсе «Вавилон» Д. Кузьмин, видит И. Шайтанов. Именно так он оценивает успехи некоторых поэтов (М. Степановой, Н. Сучковой, М. Свищева) из очерченного им круга стоящих авторов XXI века. О книге М. Свищева «Последний экземпляр» критик высказался особенно комплементарно: «Одна из удач издательства «Воймега» и вклад в поэзию XXI века» [14]. Аналогично его мнение и о поэтическом сборнике «Лирический герой» Н. Сучковой: «Этот сборник производит личное впечатление — возвращающегося автора, позволяющего себе лирическое высказывание, до последнего времени — почти запретное» [14].

Критик С. Львовский еще в 2007 году выделил тенденцию, названную «новой сюжетностью». Эстетическая особенность, отмеченная им, предопределена духом времени, полагает Львовский: «Говорение от первого лица, кажется, сменяется историями, рассказанными разными людьми и на разные голоса» [6. С. 164]. По общему мнению критиков, само явление связано с событийной изобретательностью в поэзии. В этом плане вспоминается творчество А. Родионова, Ф. Сваровского, М. Степановой. Так, например, в одном стихотворении М. Степановой может в последовательности уживаться несколько сюжетов. Она описывает их

как бы без эмоций, варьируя разными пластами лексики. Вот характерный пример из ее поэзии:

...ехал на ярмарку ухарь
ямщик во степи замерзал
помещик пиф-паф застрелился
вагон офицера увез...
(«Война зверей и животных». Зеркало. 2015. № 45)

Помимо внешних, формальных изменений поэзии, перемены основательно коснулись авторского «Я». Это так. Кукулин И. полагает, что оно превратилось в «переводчика, который “держит в уме” различие между смыслом одного и того же слова в разных языках» [6. С. 167]. К примеру, в поэзии 1990-х годов «Я» было беззащитным и уязвимым, в «нулевые» оно замерло на «границе интимного и публичного, личного и чужих миров» [6. С. 167]. Поэт К. Медведев уточняюще определил эстетический метод выражения такого «Я», как «допрос хорошего человека в себе» [7]. Отметим, что здесь речь вновь идет о преодолении поэтом травмы, по сути — самого себя. Абдуллаев Е. думает иначе. По его мнению, авторское «Я» в настоящее время расщепляется на десяток самостоятельных, каждое из которых лирически правомерно другому. Критик считает, что современная поэзия идет от монолога к диалогу, даже — полилогу, а интертекстуальность лежит в основе этого многоголосья. Он заключает: именно «чужая речь» помогает связать романтическое «Я» и эпическую безличность [1. С. 229].

Смежную оценку дает С. Чупринин. Он полагает, что доминирующей концепцией в литературном пространстве является «поэтика частного человека» [13. С. 40]. Он уточняет: «Современная поэзия — это поэзия частных существований частных людей, у которых есть свой опыт, никак не превышающий их биографический опыт...» [13. С. 40]. Формирование «частной» поэтики вполне закономерно — это в некотором роде современное, стихотворное переосмысление тем «маленького» и «лишнего» человека. Вот, к примеру, трогательное поэтическое описание И. Царевым бездомного человека, декламирующего в электричке стихи И. Бродского:

...Вот идет он, пьяненький, в лысом валенке,
Намешав ерша, словно ртути к олову,
Но, при всем при том, не такой и маленький,
Если целый мир уместился в голову..
(«Бродяга и Бродский», из книги «Соль-мажор». 2011)

Другой пример поэтики частного человека — стихи «иронического» (в печальном ключе) персонажа. Таков лирический герой одного из стихотворений Д. Псурцева. Автор с помощью интертекстуальной отсылки проводит параллель между собой и классиками, воздвигшими себе «нерукотворные памятники». У Псурцева памятник вполне себе рукотворный — из снега:

Я снеговик себе воздвиг чудесный вечный,
Главой вознесся он превыше потолка,
Конька превыше в правде бесконечной,
Трудна она, легка...
(«Я снеговик себе воздвиг». Знамя. 2018. № 4)

Одной из самых часто отмечаемых критиками тенденций в современной российской поэзии считается филологизм стихотворных текстов. В частности, эту особенность выделила автор книги «Языки современной поэзии» (2010) Л. Зубова. Она называет сближение поэзии с филологией — «магистральной линией развития поэзии в XX веке» [4. С. 5]. Е. Погорелая перечисляет «филологическую поэзию» в ряду поэтик, пришедших на смену «нечеловеческому, герметичному направлению деконструктивной лирики 1990-х годов» [9. С. 121]. Так и Е. Вежляя считает, что филологичность стихотворений молодых авторов «Дебюта» — ответ на маргинальность поэзии авторов «Вавилона» [3. С. 160]. А. Скворцов объясняет этот феномен: «Пишущий обычно рассчитывает на понимание эзотерического кружка, еще чаще — на «филологизированную» публику» [11. С. 63]. Филологи действительно в наше время составляют основной круг читателей, они же — большинство авторов.

Показательные примеры филологической поэзии — стихотворения, написанные обладателями ученых степеней — А. Скворцовым, Д. Безносовым, Д. Баком. В поэзии доктора филологии А. Скворцова соединяется множество мировых поэтических традиций. Его творчество — игра слов, талантливое сочетание аллюзий и каламбуров. Стихотворение «Я человек эпохи вырождения...» из последнего сборника «Пока/еще», посвященное М. Амелину, можно считать программным. Скворцов с грустью, но не без иронии описывает мир, потерявший «гомеровский размах»:

...Халяву съели, высохли лилеи,
но ждут Годо, желание лелея
изжить оптимистический невроз,
случайный друг, глухая из отдушин,
и женщина, к которой равнодушен, —
железные шипы вчерашних роз...
(По перв. стр., из книги «Пока/еще», 2017)

Стихотворения Д. Безносова далеки от российской поэтической традиции, в основном он опирается на европейский авангард и модерн. Скворцов А. характеризует его поэтический мир как «бесплотное пространство лингвистических и формальных абстракций» [10]. Наиболее важным жанром автора критик считает «экфрасис», в котором описывается «то, чего на белом свете вообще не может быть»: воображаемые картины, предметы и субъекты на игровом поле [10]. Вместо обыкновенной сюжетной линии стихотворения Безносова изобилуют «приключениями синтаксиса» [10]. Действительно, стихи Безносова сложны, даже опытному читателю придется прочитать произведение не раз, чтобы понять, к тому же восприятию мешает отсутствие знаков препинания. «ВОЗЗВАХ» (2) из последнего сборника Д. Безносова «Существо» можно считать в меру доступным произведением:

...что принимается за предмет
белый немой привычный таким
нам представляется без одежд
старых иных протертых его

вид перевернутый и его
горло когда смолкает язык....
(«ВОЗВРАХ», из книги «Существо», 2016)

Естественно, не все литературоведы уважительно относятся к подобным новациям. Чупринин С. выражает понятную тревогу: «Я — за сложную поэзию, я за высоколобую поэзию, я даже за профессорскую поэзию, — всякая поэзия хороша, если это действительно поэзия. Но рядом с нею, рядом со сложностью, должна быть неслыханная простота» [13. С. 42]. Очевидно, что «неслыханной простоте» проблематично ужиться с филологичностью, интеллектуальностью современной поэзии, причем часто намеренной, установочной, эпатирующей. Чупринину С. оппонирует Е. Вежлян, подробно исследовавшая феномен «новой сложности». Она пишет: «Все возможности высказывания — исчерпаны, и нужно вернуться к вещам, говорят постконцептуалисты, с помощью “прямого высказывания”, вернуться к “простоте” через усложнение коммуникативной стратегии речи» [2. С. 181]. Получается, что «сложность» современной поэзии имеет два источника, один — в стремлении заставить читателя думать, распутывать паутины смыслов и каламбуров; другой — в налаживании прямого контакта с читателями, говоря на одном с ними (сложном) языке.

При выборе тенденций критики опираются на ограниченный и избранный круг поэтов, отсюда многое мнения звучат пристрастно, а выводы не всегда научно убедительны. Так, Е. Степанов очертил круг из двадцати нестоличных авторов, пишущих силлабо-тоникой, среди которых Я. Грантс, В. Емелин, С. Ивкин, С. Лен, В. Прокошин. Говоря о содержательном контексте их творчества, он указывает на густоту и плотность текста, усиленного аллитерационными возможностями, жесткость, ироничность, прямую — без экивоков — речь, синтаксически простую, граничащую с добротной прозой. «Это поэзия жесткая, нелицеприятная, зачастую граничащая с физиологическим очерком. Лексический ряд изобилует такими словами, как тоска, смерть, гроб и т.д.», — пишет критик [12. С. 117]. Сказать, что он неправ — нельзя, но и полной правды в его выводах нет: выборка не достаточно широка, к тому же — однотипна.

Помимо этих особенностей критики неоднократно выделяли «“густоту” образов, интертекстуальность, многодетальность современной поэзии». На фоне этих критериев ярче выразилась поэтическая рефлексия авторов, самоанализ. Поэзия действительно стала более сложной, изобретательной, и при этом иногда — эпатирующей, насмешливо непонятной. Во многом страсть современных поэтов к зауми продиктована начавшейся на рубеже XX—XXI веков переоценкой задач поэзии. Ревность приверженцев элитарного искусства к популярности массового выразилась в протестное творчество: слишком некрасивое, неритмичное, неочевидное — как вызов к барьеру. Так, произведения некоторых авторов, несмотря на свой патологический характер, становятся хотя бы прочитанными, что в ситуации падения читательского интереса к поэзии, можно считать достижением. При этом ряд авторов (и их большинство) остаются «над схваткой», ими движет любовь к слову и человеку, опять же — вне контекстов. Впрочем, путь к читателю у каждого свой, чей короче — покажет время.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Эта статья продолжает исследование ситуации в современной российской поэзии, начатое в более ранних публикациях автора: Русская поэзия рубежа XX—XXI вв.: векторы развития // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2016. № 2. С. 69—77; Лирика внутреннего голоса в современной российской поэзии (в соавторстве с В.А. Мескиным) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2017. № 1. С. 36—47; Интертекстуальность в современной российской поэзии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2017. № 2. С. 256—267.
- (2) Современные поэты нередко пишут заглавия своих стихотворений прописными буквами. В данном исследовании сохраняется авторское написание заголовков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- [1] *Абдуллаев Е.* Десятилетие поэзии — или прозы? // Вопросы литературы. 2013. № 12. С. 216—240.
- [2] *Везьян Е.* Новая сложность // Новый мир. 2012. № 1. С. 177—186.
- [3] *Везьян Е.* Портрет поколения на фоне поэзии // Новый мир. 2006. № 10. С. 154—163.
- [4] *Зубова Л.В.* Языки современной поэзии. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 384 с.
- [5] *Костюков Л.* Интонации нового века // Новый мир. 2010. № 4. С. 177—185.
- [6] *Кукулин И.* «Создать человека, пока ты не человек...»: заметки о русской поэзии 2000-х // Новый мир. 2010. № 1. С. 155—170.
- [7] *Медведев К.* Кирилл Медведев в диалоге с Сергеем Огурцовым / «Допрос хорошего человека в себе» // «Что делать?» 2006. № 13. URL: https://chtodelat.org/category/ar_4/pg_9_9_7/?lang=ru (дата обращения: 13.05.2018).
- [8] «Орнаментальный период русской поэзии: занавес». От редакции // Prosodia. 2015. № 2. С. 5—6.
- [9] *Погорелая Е.* Поэзия с человеческим лицом // Prosodia. 2017. № 7. С. 119—127.
- [10] *Скворцов А.* Без поколения // Арион. 2015. № 3. URL: <http://www.arion.ru/mcontent.php?idx=2804&number=143&year=2015> (дата обращения: 09.05.2018).
- [11] *Скворцов А.* Поэтика избыточности // Вопросы литературы. 2005. № 5. С. 60—64.
- [12] *Степанов Е.* Современная поэзия: тенденции начала XXI века // Дети Ра. 2008. № 9(47). С. 113—122.
- [13] *Чупринин С.* О лакунах в современной поэзии (Написано на основе публичной лекции в Институте филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета 11 октября 2014 года) // Prosodia. 2015. № 2. С. 37—42.
- [14] *Шайтанов И.* И все-таки — двадцать первый...: поэзия в ситуации после-пост-модерна // Вопросы литературы. 2011. № 4. URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/2011/4/sh1.html> (дата обращения: 10.07.2018).

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 21 мая 2018

Дата принятия к печати: 30 мая 2018

Для цитирования:

Зинурова Е.С. Многоликость современной российской поэзии // Вестник российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2018. Т. 23. № 3. С. 293—301. DOI 10.22363/2312-9220-2018-23-3-293-301

Сведения об авторе:

Зинурова Екатерина Сергеевна, аспирант кафедры русской и зарубежной литературы филологического факультета Российского университета дружбы народов. Контактная информация: e-mail: katya.zinurova@gmail.com

DIVERSITY OF THE MODERN RUSSIAN POETRY

E.S. Zinurova

Peoples' Friendship University of Russia
10/2, Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation

This article is a panoramic slice of the modern Russian poetry. According to the author, now it's hard to talk about "leading directions and currents", because domination of the formal content of private poetics is obvious. Every authors tries to adhere to their stylistic stratagem. It follows from the consideration of the oeuvre of some of the most famous modern poets. The author believes that the Russian poetry has never been so multifarious as in the last two decades. Speaking about the significant trends in modern domestic lyrics, the author noted the appearance of the so-called "philological lyrics", gradual moving from the phenomenon of prosaizing and marginalization towards the "lyrical essence as it is". The author's reasoning and conclusions are based on many critical and analytical publications in recent years.

Key words: modern Russian poetry, intertextuality, postmodernism, poetics, philological poetry

REFERENCES

- [1] Abdullayev E. Desyatiletie poezii — ili prozy? [A decade of poetry — or prose?]. *Voprosy literatury* [Literature questions]. 2013. No. 2. P. 216—241.
- [2] Vezhlyan E. Novaya slozhnost [The new complexity]. *Novyi mir* [The New world]. 2012. No. 1. P. 177—186.
- [3] Vezhlyan E. Portret pokoleniya na fone poezii [The portrait of a generation on the background of the poetry]. *Novyi mir* [The New world]. 2006. No. 10. P. 154—163.
- [4] Zubova L.V. Yazyki sovremennoi poezii [The Languages of the modern poetry]. M.: *Novoe literaturnoe obozrenie* [The New Literary Review], 2010. 384 p.
- [5] Kostjukov L. Intonacii novogo veka [The intonations of the new century]. *Novuy mir* [The New world]. 2010. No. 4. P. 177—185.
- [6] Kukulin I. «Sozdat cheloveka poka ty ne chelovek...»: zametki o russkoi poezii 2000s ["To create a human until you are a human...": notes about the Russian poetry]. *Novuy mir* [The New world]. 2010. No. 1. P. 155—170.
- [7] Medvedev K. Kirill Medvedev v dialoge s Sergeem Ogurtsovim. «Dopros horochego cheloveka s sebe» [Kirill Medvedev in the dialogue with Sergey Ogurtsov: "Interrogation of the good man inside yourself"]. «Chto delat?» ["What is to be done?"]. 2006. No. 13. URL: https://chtdelat.org/category/ar_4/nr_9_9_7/?lang=ru (accessed date: 10.07.2018).
- [8] «Ornamentalnui period russkoi poezii: zanaves» [The ornamental period of the Russian poetry: the curtain]. *Prosodia*. 2015. No. 2. P. 5—6.
- [9] Pogorelaya E. Poeziya s chelovecheskim litsom [The poetry with a human face]. *Prosodia*. 2017. No. 7. P. 119—127.

- [10] Skvorttsov A. Bez pokolenia [Without the generation]. *Arion*. 2015. No. 3. URL: <http://www.arion.ru/mcontent.php?idx=2804&number=143&year=2015> (accessed date: 10.07.2018).
- [11] Skvorttsov A. Poetica izbytochnosti [The poetics of redundancy]. *Voprosy literatury [Literature questions]*. 2005. No. 5. P. 60–64.
- [12] Stepanov E. Sovremennaya poeziya: tendentsii nachala XXI veka [The modern poetry: Trends at the beginning of the XXI century]. *Deti Ra [Children of Ra]*. 2008. No. 9(47). P. 113–122.
- [13] Chuprinin S. O lacunakh v sovremennoi poezii [On gaps in the modern poetry]. *Prosodia*. 2015. No. 2. P. 37–43.
- [14] Shaytanov I. I vse — taki dvadtsat pervyi...: Poeziya v situatsii postmoderna [And yet the twenty — first...: The poetry in the situation after-post-modern]. *Voprosy literatury [Literature questions]*. 2011. No. 4. URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/2011/4/sh1.html> (accessed date: 10.07.2018).

Article history:

Received: 21 May 2018

Revised: 22 May 2018

Accepted: 30 May 2018

For citation:

Zinurova E.S. (2018). Diversity of the modern russian poetry. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 23 (3), 293–301. DOI 10.22363/2312-9220-2018-23-3-293-301

Bio note:

Zinurova Ekaterina Sergeevna, Phd student, Department of Russian and Foreign literature, Philological faculty, PFUR. *Contacts:* e-mail: katya.zinurova@gmail.com